Текст · 3 сентября 2022, 07:40
Бушра Седдик,

«Я спрятала ноутбук от талибов, чтобы записать для вас эту историю». Репортаж журналистки, сбежавшей из Афганистана

Движение «Талибан» пришло к власти в Афганистане больше года назад и почти сразу развернуло репрессии по всей стране. Самой уязвимой категорией стали женщины. Журналистка Бушра Седдик бежала из Афганистана с младшей сестрой, оставив позади еще одну сестру и родителей, и описывала свой опыт в журнале *Atlantic*. «Медиазона» публикует перевод ее статьи.

СМС пришло около пяти вечера 26 августа 2021 года. За 11 дней до этого «Талибан» сместил правительство Афганистана. Моя подруга — писательница и ученая из Германии — пыталась помочь моей семье уехать. И вот СМС: она пишет, что правительство Германии и одна некоммерческая организация договорились о срочной эвакуации, и ей удалось внести меня и двух моих младших сестер в список пассажиров на рейс во Франкфурт.

«А как же мама?» — спросила я. Ответ пришел не сразу. «Я не смогла внести ее в список пассажиров». Я умоляла: «Пожалуйста! Мои братья уехали, а отец живет со второй женой. У мамы никого, кроме нас, нет. Ради бога, сделай что-нибудь».

Но от нее уже ничего не зависело. «Это все, что они мне предложили. Я понимаю, как тяжело тебе будет принять решение».

Она сказала, что у нас есть 20 минут на ответ. Если мы едем, надо собраться и взять такси до секретного места; там нас будут ждать автобусы, которые отвезут всех эвакуирующихся в аэропорт.

Всего за несколько недель до этого у меня была относительно нормальная жизнь. Мы знали, что Афганская национальная армия становится все слабее, что в боях гибнут десятки солдат. Знали, что линия фронта уже подходит к Кабулу. И все же в городе работали кафе, офисы и школы. Люди ходили петь и танцевать, в ресторанах и такси играла музыка. Мне исполнился 21 год, я только начала работать в газете. Я собирала сюжеты по всему городу: мне нравилось писать о людях, особенно о бедноте, о тех, чьи голоса обычно не слышны. Я писала об их жизни, о трудностях, с которыми они сталкиваются, и о радости, которую они испытывают, несмотря ни на что.

Мой отец — из Толака, отдаленного района в провинции Гор. Там и через 20 лет после падения «Талибана» женщин стегали плетьми и забрасывали насмерть камнями. Насколько я знаю, журналистов родом из Толака нет, тем более журналисток. Я всегда понимала: то, как я живу, — заслуга моего отца, упорно трудившегося, чтобы вывезти семью в Кабул. И эта жизнь была бы невозможна, останься талибы у власти.



«Талибан» в президентском дворце, 15 августа 2021 года. Фото: Zabi Karimi / AP

Но теперь «Талибан» вернулся. 15 августа правительство пало, службы безопасности развалились, а президент Ашраф Гани сбежал из страны. Он покинул свой народ, а вслед за ним нас оставили и Европа с США. Если бы я встретила Гани сегодня, у меня бы не нашлось для него слов. Я бы просто стояла и смотрела ему в глаза, чтобы он прочувствовал, что это значит — быть молодой женщиной без дома.

Всю жизнь я слышала про талибов, но никогда их не видела. И вдруг они на каждом углу, патрулируют Кабул. Вся наша семья собралась в квартире моей матери возле американского посольства: я, мои младшие сестры и мать, а еще отец, мачеха и пятеро их детей. С исчезновением правительства испарилась и моя работа в газете. Но в любом случае дорога на работу была бы слишком опасной: никто из нас не покидал квартиру, только спускались в магазин. Тесновато, но мы были все вместе.

А теперь мне приходится выбирать между любимыми людьми. Как я оставлю мать одну? А если останется одна из сестер, то которая? А что, если ту сестру, которая останется, убьют? А что, если убьют ту, которая попытается сбежать?

Мы сидели на полу моей маленькой спальни с красно-белыми занавесками и обсуждали, что делать,

— я, мама, младшая сестра Сара и средняя Асман. Я знала, что наша семья окажется под прицелом: два моих старших брата работали на американцев, их уже эвакуировали, а я была работающей женщиной. Но я не хотела уезжать. Особенно когда смотрела на мать — на морщины, прорезавшие лоб, на седину, из-за которой она выглядела старше своих пятидесяти, потому что такова жизнь афганской жены и матери. В итоге она все решила за нас. «Вы с Сарой едете, — сказала она мне. — Мы с Асман остаемся».

Саре тогда было всего 16. Она мечтательница и искательница приключений, хочет быть пилотом, когда вырастет. Мать решила, что ей не хватит храбрости вынести тяготы жизни при талибах. Асман было 19. Она самая тихая из нас и самая добрая. У нас всего два года разницы, мы росли как близняшки. Она для меня больше чем сестра. Она — хранительница всех моих секретов. Мать понимала, что Асман хватит сил выдержать любые испытания. Это был лучший из возможных вариантов.

Но как же я? Я совсем не понимала, смогу ли позаботиться о Саре. И как оставить свою лучшую подругу? (Асман, кстати, не настоящее имя сестры, она до сих пор в Афганистане, и называть ее в статье опасно.)

Мы с Сарой сложили вещи, каждая по одной сумке, мама выдала нам еды в дорогу — печенье, пирожки, воду. Мы надели длинные черные платья, прикрыли волосы платками. Я не смогла посмотреть Асман в глаза. У меня не хватило духу попрощаться с ней. Все плакали. Когда мы с Сарой выходили из квартиры, мама обрызгала нам спины водой — так по традиции

в Афганистане желают доброго пути. Все произошло очень быстро. Отец спал в другой комнате. Я не стала его будить, просто открыла дверь и посмотрела на этого мужественного человека, который много лет работал в самых опасных провинциях, чтобы его дети могли пойти в школу и получить шанс на лучшую жизнь. И мы ушли.

* * *

До автобуса было 15 минут езды. Мне казалось, что время в эти 15 минут остановилось. Все за окном было другим, вся моя страна была другой. Такси вел талиб, я впервые видела талиба так близко. Это был молодой человек лет двадцати в традиционной афганской одежде — все серое, поверх одежды черная жилетка, которая называется васкат, на голове черный тюрбан. Длинные сальные волосы спускались на плечи, а глаза были совсем темные — наверняка он накрасил их сурьмой, черной подводкой для глаз, которая, по мнению некоторых, улучшает зрение и придает внешности благочестивость. А еще у него была винтовка.

Повсюду я видела белые флаги «Талибана», вооруженных мужчин на джипах и мотоциклах. Женщин и девушек на улицах не было. Я крепко держала Сару за руку. Теперь я ее опекун, ее мать и отец. Если с нами что-то случится, ответственность — на мне.

Мы остановились на обочине. Там ждали пять автобусов, а рядом 250 афганцев: журналистов, правозащитников, людей, которые работали на немецкое правительство. Какой-то мужчина

выкликал имена по списку и говорил, в какой из автобусов садиться. Я подошла к нему (позже я узнала, что его зовут Джордан и он режиссер из Австралии, который несколько лет снимал репортажи об Афганистане) и спросила про мать. Вдруг можно добавить ее в список? Может быть, еще не поздно, и они с Асман смогут к нам присоединиться. «Мне очень жаль», — сказал он.

Всем, кроме нас, помогали братья и отцы — таскали сумки, ограждали от напирающей толпы. Все старались попасть в автобус первыми. Все, кроме нас с Сарой. Когда прозвучали наши имена, мы пошли к автобусу медленным шагом. Мы все еще не были уверены, что готовы уехать.

Пока мы ждали, когда автобус тронется, стемнело. Нам сказали, что нужно знать несколько важных вещей. Во-первых, в аэропорту опасно. Он под контролем вооруженных талибов и американских солдат — еще четыре дня, а потом американцы покинут его навсегда. Если в аэропорту с нами что-нибудь случится, НКО на себя ответственность не возьмет. Во-вторых, автобус будет ехать с выключенными фарами. В-третьих, женщины должны оставаться в закрытой одежде. И вот наконец автобусы тронулись. Мы думали, что через полчаса окажемся в аэропорту, а потом и в небе.

Но вышло совсем по-другому.

* * *

Это была не первая наша с Сарой поездка в аэропорт, за два дня до этого наша семья уже пыталась эвакуироваться.

Муж нашей старшей сестры работает в Канаде, и мы подали на канадские визы. Правительство Канады связалось с нами и сообщило, что может помочь с вылетом. Мы помчались в аэропорт и всю ночь ждали у входа «Эбби-гейт». Тысячи людей спали в грязи у аэропорта, у прудика, который постепенно заполнялся мочой, фекалиями и отбросами. Наконец мы увидели канадских солдат на той стороне пруда. Чтобы добраться до них, нам нужно было перейти его вброд, прямо по нечистотам. Так мы и сделали.



Эвакуация граждан Афганистана на территории аэропорта в Кабуле, 16 августа 2021 года. Фото: Shekib Rahmani / AP

Солдаты пропустили мою старшую сестру с пятилетним сыном, но оказалось, что у остальных были не все необходимые документы. Сестра обернулась с виноватым видом, но я заставила себя улыбнуться и помахала ей на прощание. Пусть хотя бы одна сестра и племянник будут на свободе и в безопасности. Я побрела через пруд обратно, а потом, промокшая и провонявшая, двинулась домой.

И сейчас, когда мы снова оказались у аэропорта, я поняла, что в каком-то смысле быть сестрой, которая уезжает, тяжелее, чем той, что пришлось остаться.

На этот раз мы двинулись к другому входу — «Северным воротам». Там нас ждала еще более безумная картина. Раздался взрыв, затем выстрелы, на горизонте я увидела пламя. Оказалось, незадолго до нашего приезда на «Эбби-гейт» взорвалась бомба, унесшая жизни 150 человек. Взрыв произошел ровно в том месте, где мы с семьей спали всего две ночи назад.

Взрыв устроил террорист-смертник из ИГ. Он сидел в тюрьме строгого режима, а когда «Талибан» выпустил своих бойцов, оказался на свободе. Еще одно свидетельство того, что талибы знают, как вести войну — они занимались этим десятилетиями, но понятия не имеют, как управлять страной и зашищать ее жителей.

После взрыва «Талибан» заявил, что из соображений безопасности людей в аэропорт пускать нельзя. Автобусы разворачивали, так что мы припарковались на обочине неподалеку. Мы сидели тихо. Но повсюду вокруг бегали и кричали люди. Мне казалось, что я смотрю кино про войну. Но все было по-настоящему. Я задумалась, есть ли среди бегущих и кричащих мои знакомые, есть ли мои родственники или учителя среди мертвых.

Позвонила мама, вся в слезах. Она услышала про взрыв и умирала от ужаса. Она сказала, что надо уже бросить эту затею и ехать домой. Но я не хотела отказываться от возможности выбраться из страны. И вдобавок в ту секунду мне казалось, что выходить из автобуса еще опаснее, чем оставаться внутри.

* * *

Наступало утро второго дня. Выстрелов больше не было, никто никуда не бежал. Еда почти кончилась. Сара спала, положив голову мне на колени. Я очень ей гордилась — она ни разу ни на что не пожаловалась. Ночью я написала подруге, которая внесла нас в список на эвакуацию, чтобы она выяснила хоть какие-нибудь подробности. «Я не хочу умирать», — написала я ей.

Пассажиры потихоньку просыпались, с ноющими коленями и спинами. Туалетов в автобусах не было, и все просили отвезти нас в какое-нибудь безопасное место, чтобы мы могли там выйти. Организаторы посовещались и решили отъехать к зданию университета неподалеку. Там никого не было, если не считать охранника, который разрешил нам размять ноги и запускал нас в туалет по одному. Потом водители позвали всех назад в автобус. Подруга ответила мне: «Дело сдвинулось с мертвой точки».

Мы вернулись в аэропорт, медленно пробираясь сквозь толпу людей, машин и других автобусов. И вот мы у входа. Мы смотрели в окна, пытаясь понять, что происходит. По идее, у нас было разрешение на вход, но охранники-талибы нас не пускали. Они боялись, что будет новый теракт, и то ли хотели защитить нас, то ли, наоборот, в чем-то подозревали, то ли и то и другое. Наконец появился их командир с вердиктом: нас не пропустят, пока американцы лично не подтвердят, что готовы нас принять. Талибы охраняли внешние пропускные пункты, а американцы — внутреннюю часть аэропорта. Мы знали, что на территорию талибов они заходить не будут.

Мы сделали еще четыре попытки, и каждый раз нас разворачивали. Иногда охранники проверяли наши документы, иногда нет. К этому моменту еда и вода закончились. «Бушра, — написала мне подруга, — как ты? Прошло уже столько времени!».

Я ответила, что подумываю сойти с автобуса, и она написала: «Я не могу принять решение за тебя, Бушра. Но я хочу, чтобы ты жила… Хочу, чтобы ты жила счастливо и в безопасности там, где сама захочешь».

Пошел третий день жизни в автобусе. Когда мы в очередной раз попытались подъехать к аэропорту, два талиба остановили автобус и вошли в салон. На них были традиционные васкаты, но под ними — ботинки и камуфляж, которые раньше носили солдаты Афганской национальной армии. Их лица были закрыты, но я поняла: это не рядовые бойцы, а командиры. Они сами были крупнее, их оружие было крупнее. «Вот и все, Бушра», — подумала я.

«Почему вы уезжаете из страны? — спросили они.
— Оставайтесь, будем вместе строить исламское правительство».

Вскоре мы услышали, что «Талибан» закрывает все входы и перекрывает дорогу в аэропорт. Джордан сказал, что больше ничего нельзя сделать. Придется сдаваться.

«Все?» — написала я подруге. «Все», — ответила она.

* * *

Мы измучились и изголодались. Я, женщина и журналист, осталась в стране, которой управляют террористы, ненавидящие женщин и журналистов. У «Талибана» есть список всех, кто пытался эвакуироваться на этом автобусе, и ничто не помешает талибам прийти за нами к матери. Я знала: у меня нет ни прав, ни будущего.

И все же я была счастлива. Как бы безумно это ни звучало, но было семь утра и мы наконец ехали домой. Мы с Сарой пересели из автобуса в такси, обсуждая,

что мы сделаем сначала: поспим или поедим. Я сказала — поспим, Сара — поедим.

— Ты довольна? — спросила я Сару.

— Очень! Как ты думаешь, они еще спят?

— Думаю, да. Устроим им сюрприз!

Мы взбежали по лестнице к нашей квартире, и Асман открыла дверь. «Я знала, что вы вернетесь!» — сказала она. Мы крепко обнялись и так громко засмеялись, что разбудили маму. Мы стояли все вчетвером обнявшись, и они рассказывали, как им было за нас страшно. Потом мама убежала готовить праздничный завтрак, а я отправилась в свою комнату с бело-красными занавесками, упала на мягкий матрас и уснула.

Я проснулась уже вечером от уведомления в мобильном. Это было сообщение от подруги: «Открой вотсап и прочитай мои сообщения ПРЯМО СЕЙЧАС». В первом же сообщении было слово «СРОЧНО». Аэропорт открыли, план опять в силе.

Мы должны были вернуться в автобус.

Я встала, натянула длинное черное платье и громко позвала Сару. Асман сказала, что мама приготовила кабили палав — рис с изюмом и ягненком, мое любимое блюдо. Но на еду времени не было. Мы не успевали даже попрощаться с матерью, она вышла по делам. Она не могла обрызгать наши спины, когда мы выходили за дверь. Но дома был отец. Он принес Коран и попросил нас помолиться. Мы прочитали

суру «Аль-Фатиха» и попросили Аллаха ниспослать нам легкую дорогу, направить нас «на прямой путь». Потом мы поцеловали отцу руку, а он поцеловал нас в щеку и в лоб. И мы покинули дом во второй раз.

* * *

«Талибан» придумал новое правило: никакого багажа. Только маленький прозрачный пакет, чтобы никто точно не смог пронести оружие. Туда и вещи-то не влезали, что же делать с ноутбуком? Там все мои фотографии, все воспоминания о детстве и университете, все мои тексты — черновики всех статей, над которыми я работала и которые мечтала закончить. Как я, журналист, могла отправиться в новую страну без ноутбука? У меня было только 400 долларов наличными, на дорогу и на первое время, новый компьютер я себе позволить не смогу. Так что я засунула ноутбук под платье — в надежде, что никто не заметит.



«Талибан» у контрольно-пропускного пункта в Кабуле, 18 августа 2021 года. Фото: Rahmat Gul / AP

На этот раз все шло гораздо быстрее. Мы прошли пропускной пункт на дороге. Подождали несколько часов. Потом еще один КПП. По автобусу прошел слух, что «Талибан» разворачивает всех женщин, которые путешествуют без сопровождения мужчины. Услышав это, мы с Сарой опять потеряли всякую надежду. Но я кое-что придумала. Я попросила

симпатичную семью, которая сидела сзади нас, сказать, если понадобится, что мы их кузины и что глава семейства присматривает и за нами тоже. Сначала он отказался — не хотел неприятностей, но жена уговорила его нам помочь.

И вот подошла наша очередь. Мы сошли с автобуса, и охрана разделила мужчин и женщин на две очереди. Они проверили наши сумки, а потом их командир стал вызывать людей по одному. Мы очень боялись, что они заметят, что мы без сопровождения, но в итоге никто об этом даже не спросил. Наконец мы оказались внутри аэропорта.

Он выглядел не так, как я себе представляла: больше похоже на военную базу, чем на аэропорт. Позади нас стояли вооруженные талибы. Впереди — американские солдаты. А между ними — наша группка эвакуирующихся. Было очень странно видеть, как солдаты двух армий, воевавших 20 лет, просто стоят вот так друг напротив друга. Америка обещала бороться с террористами, а теперь просто отдала им нашу страну ради собственного удобства. Настоящее предательство.

И все же я видела, что сами американские солдаты делали все, чтобы нам помочь. В американской части аэропорта они раздавали людям еду и воду, улыбались детям. Несколько солдат спали в углу. Они явно изо всех сил старались спасти как можно больше людей. И тогда я подумала: а куда делись все афганские солдаты после поражения? Почему они не помогают своим соотечественникам?

Первое, что сделала Сара, — сорвала с себя длинное черное платье и сказала, что никогда больше не наденет ничего похожего. Я свое не сняла, потому что прятала под ним ноутбук. Мы очень хотели пить, но воды не было, только молоко для детей. Мы выпили по несколько пакетов. Я написала своей подруге: «Мы внутри» — и послала селфи с Сарой. «Дааааааа!!!» — ответила она.

Но и у американцев были свои правила: вообще никакого багажа. Я вынула из пакета любимую рубашку и штаны и переоделась. Модница Сара очень не хотела расставаться со своими вещами. Но пришлось просто свалить их кучей на полу. У меня остались паспорт и другие документы, фотография отца, мамины часы и мой ноутбук.

Светало. Мы ослабели от голода и усталости. Четыре часа мы простояли в очереди, пока не дошли до пропускного пункта, где солдаты осмотрели наши карманы, папки с документами и даже волосы. Когда подошла моя очередь, я сказала, что я журналистка, и умоляла их не отбирать у меня ноутбук. Они велели его включить, чтобы убедиться, что это действительно рабочий компьютер, и, к моему огромному облегчению, разрешили оставить его себе. Было уже позднее утро, солдаты принесли нам нагревшиеся на солнце бутылки с водой. Потом всем нам выдали идентификационные браслеты. Тогда я не подозревала, что буду носить этот браслет четыре месяца.

С тех пор как я получила то первое сообщение от подруги, прошло почти три дня. За это время мы преодолели всего пять километров. А теперь мне

предстояло пересечь полмира. С тяжелым сердцем я оставляла мать и сестру, и, хоть и радовалась, что буду свободна от талибов, я в то же время ненавидела Америку и весь мир за то, что они бросили нашу страну. Что ждет меня впереди? А тех, кого я оставляю?

* * *

29 августа в 11:30 утра, за день до того, как последний американский солдат покинул страну, мы вместе с еще пятью сотнями людей эвакуировались на военном борте C-17. Я никогда раньше не летала и никогда бы не подумала, что свой первый перелет совершу на военном самолете без иллюминаторов, сидя на полу, в сопровождении солдат!



Эвакуация граждан Афганистана на военном борте C-17 Globemaster III в аэропорте Кабула, 22 августа 2021 года. Фото: MSgt. Donald R. Allen / U.S. Air Force / AP

Я спросила Сару:

— Ты рада?

Я понимала, что она не думает ни о «Талибане», ни о матери, ни об этих ужасных трех днях. Она была в восторге. Она показала на женщину-солдата и сказала, что она, наверное, очень храбрая.

— Я хочу быть пилотом военно-воздушного флота, — сказала она.

— Значит, будешь! — ответила я.

Но когда самолет взлетел, заплакали все до единого, даже Сара.

Мы приземлились в Катаре, где нас встретили американские чиновники. Мы объяснили, что наши братья работали на *USAID*, и они выдали нам разрешения на въезд в Америку. Многим пассажирам нашего рейса пришлось задержаться в Катаре надолго, но нас, видимо, как молодых женщин без сопровождения, посадили на один из самолетов.

Затем была остановка в Германии, и вот наконец, 4 сентября, мы с Сарой приземлились в Вашингтоне. Оттуда нас переправили в Кэмп-Эттербери, учебную военную базу в штате Индиана. Я никогда даже не слышала об Индиане. Началась зима, было холодно. Большую часть времени мы проводили в очередях за едой, а когда наконец возвращались в помещение, лица у нас болели от ветра, а руки так деревенели от мороза, что больно было сгибать пальцы. На этой базе жили тысячи эвакуировавшихся афганцев, мы с Сарой спали в комнате, где размещались еще сорок человек, в том числе младенцы, которые плакали по ночам. Мы были в безопасности, но жили как будто в тюрьме.

Там мы и воссоединились с нашим самым старшим братом, его женой и тремя детьми. А в конце декабря мы все переехали в Мэриленд, в трехкомнатную квартиру недалеко от Вашингтона. У нас тесно

и шумно, но мы здесь счастливы. Сара опять ходит в школу. Она учится ездить на велосипеде и собирается подрабатывать в библиотеке на нашей улице. Я в этой библиотеке почти каждый день, использую ее как кабинет. Я нашла журналистскую работу — редактором-стажером в этом журнале. Ничего подобного «Талибан» никогда не позволил бы женщинам и девушкам.

Когда я звоню маме, она говорит, что скучает, что в квартире стало слишком тихо. А Асман жалуется, что ей одиноко — никто больше не таскает у нее еду и не возится с ее длинными волосами. Не с кем больше танцевать по комнате, не с кем строить планы на будущее.

Иногда я думаю: а что, если бы я осталась — бороться за свою страну? Талибы не дали моей матери получить образование, когда были у власти в девяностые. Теперь они вернулись и точно так же не позволят это Асман. Талибы уже не дают женщинам передвигаться по городу без мужчин, заниматься спортом и искусством, большинство профессий тоже под запретом. Чтобы выйти из дома, женщинам надо закрываться с головы до пят. А мужчин, которые были на стороне бывшего правительства, талибы находят и убивают. Экономика рухнула, дети голодают.

И не осталось никого, кто мог бы описать, во что обходится победа «Талибана» афганскому народу. Активистов арестовывают, а журналистам запрещают рассказывать правду. Жить на чужбине тяжело, но еще тяжелее, когда тебя принуждают молчать. Я тайком от «Талибана» вывезла свой

ноутбук через континенты в свободную страну, чтобы записать эту историю и рассказать ее вам.

Автор: Бушра Седдик

Оригинал: “*I Smuggled My Laptop Past the Taliban So I Could Write This Story*”, *The Atlantic, August 15, 2022.*

Перевод: Вера Нифлер